

П Р И Б А В Л Е Н І Я
КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ
ЭПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ
(ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

Октября 1.

№ 19.

1910 года.

Слово въ недѣлю XIII-ю по Пятидесятницѣ. *)

Въ сегодняшнемъ Евангельскомъ благовѣствованіи слышали мы, братіе, одну изъ глубоконазидательнѣйшихъ притчѣй Христа Спасителя. Вотъ что говоритъ Спаситель въ этой притчѣ: одинъ хорошій хозяинъ устроилъ у себя виноградникъ и отдалъ его для воздѣлыванія работникамъ. Когда же пришло время собиранія плодовъ, онъ посылаетъ къ работникамъ въ виноградникъ рабовъ своихъ, чтобы они приняли собранные плоды. Но работники вмѣсто того, чтобы отдать, по приказанію хозяина, собранный виноградъ, схватили посланныхъ рабовъ и нѣкоторыхъ били, иныхъ убили, а нѣкоторыхъ побили камнями. Снова посылаетъ хозяинъ новыхъ рабовъ и притомъ посылаетъ больше, чѣмъ послалъ первый разъ; но и этихъ постигла участь, одинаковая съ первыми. Что же дѣлать? думаетъ хозяинъ, какъ мнѣ быть съ ними?—И наконецъ рѣшилъ послать къ нимъ сына своего, въ полной увѣренности, что они постыдятся его. Но не постыдились злые виноградари и сына.—*Это наследникъ; пойдѣмъ, убьемъ его и завладѣемъ наследствомъ его*—, сказали они другъ другу и, схвативши сына, вывели его вонъ изъ виноградника и убили.

Вотъ содержаніе слышанной нами притчи.—Кто же этотъ хозяинъ дома, устроившій виноградникъ и ожидавшій плодовъ отъ него? Это Богъ, это Отецъ нашъ Небесный, возлюбившій насъ прежде созданія міра. Когда люди пали и, отступивши отъ воли Его, все болѣе и болѣе погразали въ тинѣ грѣха и беззаконія, уловляемые диаволомъ, Онъ, имѣющій богатство милосердія, призрѣлъ съ высоты святя Своея на падшихъ созданий Своихъ и устроилъ для нихъ на землѣ спасительный виноградникъ, гдѣ могли бы найти отраду и успокоеніе и спасеніе вѣчное всѣ, обремененные тяжестью грѣховной жизни, обезсиленные въ борьбѣ съ диаволомъ.—И съ радостію поспѣшили въ этотъ

*) Произнесено въ Свято-Духовъ монастырѣ при литургійномъ служеніи Пресвященнаго Антонія, Епископа Вельскаго, 5 сентября 1910 года.

спасительный виноградникъ всѣ лучше люди ветхозавѣтнаго времени, вознося горячія молитвы о прощеніи грѣховъ и съ вѣрою прорѣвая отдаленныя времена Мессіи Христа. — Это церковь ветхозавѣтная. — Это — общество вѣрующихъ, соединенныхъ между собою одною вѣрою, однимъ упованіемъ на иждущаго явиться въ міръ Искупителя. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, затѣмъ Моисей и послѣдующіе пророки. — Всѣ эти великіе и святые люди были сынами и руководителями — патриархами въ этой церкви. Но впоследствии управителями и руководителями народа еврейскаго сдѣлались книжники и фарисеи. — *На Моисеевомъ столѣищѣ стѣли книжники и фарисеи* (Мѣ. XIII, 2). — Эти люди и были такими учителями и руководителями народа, что, по слову обличавшаго ихъ Христа, ни сами въ царствіе небесное не входили, ни другихъ войти научить не могли (ст. 13). Это — тѣ виноградари, коимъ ввѣрено было Богомъ воздѣлываніе великаго виноградника — спасенія душъ человѣческихъ. Когда для обличенія ихъ и наставленія народа, блуждавшаго подобно овцамъ, неимѣющимъ пастыря, Господь посылалъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ, то негостепрѣмно встрѣчали ихъ эти руководители и учителя. Намъ извѣстна участь Исаи, Захаріи, сына Варахіяна и другихъ многочисленныхъ посланниковъ Божіихъ. Эти послѣдніе и разумѣются въ притчѣ подъ именемъ, посланныхъ въ виноградникъ, рабовъ. Но кто же этотъ сынъ, посланный въ виноградникъ, чтобы однимъ появленіемъ своимъ пристыдить злыхъ виноградарей? — Это — Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Какъ тамъ, въ притчѣ, злые виноградари вывели хозяйскаго сына вовъ изъ виноградника и убили, такъ по беззаконному суду книжниковъ и фарисеевъ убитъ въ Иерусалима на голгоетскомъ крестѣ нашъ Божественный Спаситель.

Переходи отъ этой притчи къ собственной жизни, поспѣшнымъ, братіе, извлечь спасительный урокъ для себя.

Всѣ мы, искупленные безцѣнною кровію Христа Спасителя нашего, принадлежимъ къ церкви Христовой, къ этому, устроенному на землѣ, великому винограднику Божію. Всѣ мы призваны наследовать жизнь вѣчную, царствіе небесное, всѣ усыновлены Богу, чрезъ крестныя страданія Единороднаго Сына Его. Безпредѣльная любовь Отца небеснаго къ падшимъ созданіямъ Своимъ низвела съ неба на землю Сына Единороднаго, *чтобы всякій, вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.* (Іоан. III, 16) И смотрите, братіе, какъ чудно устроенъ

этотъ вертоградъ Божій?—Вотъ сонмъ провозвѣстниковъ Евангельской истины, апостоловъ святыхъ.—*Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. XVIII, 5). И мы, грѣшныя, отдаленныя отъ нихъ временемъ, всегда имѣемъ предъ собою проповѣданныя ими глаголы живота вѣчнаго, въ лицѣ ихъ Боговдохновенныхъ писаній. Все, что потребно для нашего спасенія,—все это полностью запечатлѣно на вѣки вѣчныя въ этихъ священныхъ писаніяхъ. *Есмь*, говоритъ св. Апостоль, *мы или Ангелъ съ неба благовѣстимъ вамъ больше, нежели благовѣстили мы, да будетъ анагема*. Но что если мы, имѣя такое безцѣнное сокровище, не пользуемся имъ, мало, или даже совсѣмъ не знакомы съ Боговдохновенными писаніями апостольскими?—Что, если и зная эти вѣщанія и глаголы, призывающіе насъ стремиться къ достиженію царствія Божія, мы все таки заботимся не о царствѣ небесномъ, а болѣе о благополучіи и счастіи земномъ?—Вѣдь не скажутъ ли и намъ св. апостолы Христовы тоже самое, что сказалъ св. апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ—*къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога*. (1 Кор. XV, 34)? Не жалуются ли и они, какъ въ древности св. пророки на непокорнаго Израиля, Господу:—*Господи! мы говоримъ имъ, а они не слушаютъ?* (Притчи 1, 24; Исаи 53, 1; 65, 12).

Вотъ—непрестанно хвалящее Господа *пресвѣтлое мученическое воинство!* (хвалебн. пѣснь св. Амвросія Медіол.). *Поруганія и побои, узы и темницу* претерпѣли они; иные *были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткамъ, умирали отъ меча* (Евр. 11, 36—37) и вообще скорбнымъ, кровавымъ путемъ вошли они въ радость Господа Своего. Никакіе ужасы мученій, ничто не могло разлучить ихъ отъ любви Божіей (Рим. VIII, 35).—И вотъ мы прославляемъ и ублажаемъ въ лицѣ ихъ доблестныхъ страдальцевъ, мужественныхъ воиновъ Христовыхъ, кровь свою пролившихъ за исповѣданіе вѣры во Христа. Но что, если это прославленіе наше пресвѣтлаго лика мучениковъ Христовыхъ ограничивается одними лиш словами? Что, если, зная многострадальные подвиги ихъ, быть можетъ, даже умиляясь ими, сами мы не подражаемъ имъ, не переносимъ благодушно и терпѣливо даже малѣйшихъ испытаній жизненныхъ?

Признаютъ ли они тогда, въ день судный въ насъ своихъ братьевъ и друзей?

А вотъ преподобные и Богоносные подвижники Христовы. Тѣснымъ и узкимъ путемъ стремились они къ царствію небесному. Всѣ радости и утѣхи, все, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ міръ грѣховный человѣка, — все это оставили они и всю жизнь свою посвятили на борьбу съ грѣхомъ, приближаясь къ Богу непрестанными подвигами поста и покаянія и всегдашнею усиленною молитвою. *Царствіе Божіе*, говоритъ Христосъ Спаситель, *нудится* т. е. употребляющіе усиліе *восхищаютъ его*. (Мѡ. XI, 12). Преподобные подвижники и оставили намъ поучительный примѣръ такого усиленнаго достиженія царства небеснаго, вѣчнаго спасенія въ Христѣ Исусѣ. — Но, что, если мы, и зная эти поучительные уроки изъ жизни преподобныхъ угодниковъ Божіихъ, зная какіе труды и подвиги несли они, нерѣдко въ продолженіе всей жизни своей, мы нисколько не заботимся о подражаніи имъ? Что, если зная ихъ молитвенное дерзновеніе ко Господу, мы, хотя и просимъ у нихъ заступничества предъ Богомъ, сами не стремимся стяжать и возгрѣвать въ сердцахъ своемъ даръ общественнаго молитвеннаго общенія съ Богомъ? Прострутъ ли тогда они свои преподобныя руки предъ Господомъ за насъ грѣшныхъ и признаютъ ли насъ?

Св. Пастыри и учителя вселенной Богомудрыми писаніями своими неумолчно приглашаютъ насъ стремиться къ достиженію царства небеснаго. Но если мы сами очень легкомысленно относимся къ голосу ихъ, то не они, звавшіе насъ, отвѣчать будутъ за насъ предъ Богомъ, а мы не послушавшіе ихъ спасительнаго голоса. Подобно древнимъ пророкамъ, и они скажутъ: *Господи! мы имъ говоримъ, а они насъ не слушаютъ*.

Такъ, братіе, виноградникъ Божественный, церковь Христова явила намъ множество работниковъ, трудившихся для спасенія себя и ближнихъ. Они и явились въ церкви Божіей виноградарами, но незлыми, каковы виноградари въ слышанной нами притчѣ, а добрыми и вѣрными рабами Господа своего. Всѣ они, вмѣстѣ съ св. апостоломъ, всегда могли бы сказать: *мы до нынѣшняго часа и ачемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся*, (I Кор. V, 11 12) *и труждаемся, дѣлаяюще своими руками*.

Что же мы — виноградъ, насажденный Девеицей Божіей? — Вѣдь и отъ насъ ждетъ плодовъ Сотворившій насъ по образу и подобію Своему, Искупившій насъ, Господь Богъ нашъ, подобно изображенному въ притчѣ хозяину виноградника. — Все устроять

онъ, что необходимо для хорошаго виноградника, и ожидаетъ должныхъ плодовъ. — Все устроено въ церкви Божіей, для спасенія насъ въружащихъ потребное, всѣ средства предоставлены. Отъ дней рожденія она, мать наша любвеобильная, перковь Христова заботливо принимаетъ насъ, чрезъ купель крещенія, подъ свое покровительство. — И продолжается это покровительство всю жизнь — до гробовой доски, а тамъ молитвы церкви о загробной участи умершихъ чадъ ея завершаютъ это благостное покровительство. И вотъ немощный человѣкъ, съ зачатками грѣха, подъ водительствомъ церкви, укрѣпляемый ея ученіемъ, ободряемый ея молитвами, снабждаемый и врачуемый Богоустановленными таинствами, совершаетъ онъ свое спасеніе, работая Господу со страхомъ и трепетомъ и принося достойные плоды покаянія. Если бы мы, братіе, спросили кого-либо изъ великихъ подвижниковъ: какимъ образомъ съ слабыми человѣческими силами могъ онъ побѣдить свои страсти, побороть ископнаго врага нашего спасенія — діавола? — онъ безъ сомнѣнія отвѣтилъ бы намъ словами апостола: *вся могу оукрѣпляющемъ мя Иисусъ*, или словами одной пѣсни церковной: *Христосъ моя сила, Богъ и Господь!*

Да будетъ же и для насъ грѣшныхъ Господь Иисусъ Христосъ силою и укрѣпленіемъ, а церковь Его святая любящею матерію, да и мы принесемъ Господу нашему достойные покаянія, помилованія и спасенія вѣчнаго, плоды. Аминь.

Вологодскаго Спасо-Всеградскаго Собора

Священникъ *Александръ Соколовъ.*

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

На мѣсто добрейшаго о. инспектора старца архимандрита Діонисія, за выслугою на пенсію, оставившаго духовно-учебную службу при семинаріи, былъ опредѣленъ инспекторомъ въ 1860 г. молодой іеромонахъ Григорій Воиновъ, магистръ, родомъ Москвичъ. Вотъ подтянетъ-то семинарію, думали мы и ошиблись, на счастье, или несчастье свое. Разъ сидимъ мы на урокъ психологіи у Протогена Вонифатьевича, разбиравшаго письменныя работы наши и дававшаго, по поводу ихъ же, тѣ или другія разъясненія. „Наша наука“, говорилъ онъ между прочимъ, „не догматика. — Для меня не важно, что вы рѣшаете вопросъ въ согласіи съ теоріей даннаго времени, ибо онъ мѣняется. А важно то, какъ вы, т. е. каждый изъ васъ въ отдѣльности думаетъ, широко-ли и глубоко-ли его мысль проникаетъ въ вопросъ, какъ

человѣкъ освѣщаетъ его и какъ сильно, логично и умно доказываетъ свое мнѣніе*. А на мое возраженіе, при другомъ случаѣ, въ частной бесѣдѣ, когда я говорилъ ему, что нашъ умъ не его умъ, не тѣ и познанія, что мы наговоримъ пожалуй и наивныхъ и глухихъ вещей, онъ, успокоивая меня, отвѣчалъ: „вѣрьте себѣ, своему здоровому уму и говорите обдуманно и смѣло. — И елибы ваши мысли были и не во вкусѣ большинства ни въ смѣшное, ни въ унизительное положеніе онѣ васъ не поставятъ“. Покончивъ съ нашими сочиненіями и по поводу ихъ свою бесѣду съ нами, Протогенъ Вонифатьевичъ вдругъ ставитъ вопросъ: „а слышали вы, кто назначенъ инспекторомъ нашимъ?“ — Слышали, но никто ничего не знаетъ о немъ, — что это за особа, грядущая къ намъ. — „Ну такъ я вамъ скажу. Это мой товарищъ по академіи, монашество принялъ онъ еще студентомъ, какъ Москвичъ и, какъ монахъ, онъ магистръ, — и только — А какъ человѣкъ, — что онъ такое? ставимъ мы вопросъ. — Человѣкъ котораго бояться нечего, да вотъ онъ скоро пріѣдетъ, увидите и судите сами“, заключилъ свой отзывъ о новомъ инспекторѣ нашъ уважаемый профессоръ. И пріѣхалъ нашъ инспекторъ дѣйствительно скоро, и увидѣли и услышали, и узнали, и не полюбили его, начиная кажется съ о. ректора и кончая послѣднимъ служителемъ. Физически этотъ человѣкъ такъ былъ обиженъ природою, что лучше не описывать, даже вмѣсто голоса изъ устъ его раздавалась одна хрипота, а, по душѣ, дитя, пожалуй капризное, но далеко не умное, оскорблявшееся мелочами и досаждавшее людямъ. На серьезное дѣло онъ былъ не способенъ. Почему и при немъ, въ воспитательномъ отношеніи, семинарія осталась при тѣхъ-же дѣдушковыхъ порядкахъ, какіе были установлены старцемъ Діонисіемъ. Не прослужилъ онъ, бѣдный, и двухъ лѣтъ, какъ видно стало что людей, недовольныхъ имъ ужъ много. Однажды осеннимъ вечеромъ сидимъ мы въ канцеляріи; занимаясь своими дѣлами, кто готовитъ урокъ, кто пишетъ сочиненіе, кто читаетъ, кто переписываетъ канцелярскія бумаги. Вдругъ бѣшено забѣгаетъ къ намъ семинарскій фельдшеръ (по тогдашнему подлѣварь) В. А. Рукинъ и говорить: „что вы тутъ сидите! Вѣдь инспектора чуть не убили!...“ — „Сумасшедшій! Что ты врешь!“ отвѣчаемъ ему. — „Говори толкомъ“. И Рукинъ рассказалъ намъ слѣдующее. — „Нѣтъ еще я часу, какъ вбѣжалъ къ намъ въ больницу келейникъ инспектора испуганный и сказалъ: — идите скорѣе къ намъ, —

инспектора чуть не убили". — Кто? как? Быть не может, отвѣчали мы. Но онъ повернулся и убѣжалъ. — „Прихожу я къ инспектору, смотрю, сидитъ и плачетъ, а лицо и голова въ крови. Позвольте, говорю, я васъ обмою, осмотрю рану и перевяжу; вѣроятно ничего опаснаго нѣтъ. Не троньте меня, сказалъ инспекторъ, а позовите о. ректора, да скорѣе побѣжайте за докторомъ. — „Да позвольте узнать, какъ это случилось? Вѣдь меня объ этомъ спросятъ". — „А вотъ я сидѣлъ противъ окна у письменнаго стола за книгой, и въ меня съ улицы кто то бросилъ камень, попавшій мнѣ въ голову. — Видите, стекла пробиты въ обѣихъ рамахъ, а камень лежитъ на столѣ". Камень былъ не меньше 3 фунтовъ и не больше по видимому 5. — Я къ о. ректору. — „Не пойду я къ нему“, сказалъ ректоръ, распросивъ меня. — „Это не больше, какъ царапина; побѣжай впрочемъ къ доктору. Я туда. Докторъ оказался дома. Я доложилъ доктору, что кто-то съ улицы бросилъ въ инспектора камень, угадалъ ему въ голову и окровавилъ его. Семинарскимъ докторомъ былъ тогда Михайль Петровичъ Максимовичъ, знатокъ своего дѣла, но хохолъ горячій и ни съ чѣмъ не считавшійся, при своей неудержимой экспансивности. — „Сейчасъ ѣду“, отвѣчалъ докторъ и сейчасъ же добавилъ: „Гм... бросили камнемъ, а почему не пулей"? — Вотъ поли и толкуй съ нашимъ докторомъ“, заключилъ свой рассказъ фельдшеръ и пошелъ къ инспектору. Оказался дѣйствительно только ушибъ, съ пораненіемъ наружныхъ покрововъ. Виновника искали, но не нашли. Но скверный фактъ остался фактомъ. Скоро потомъ перевели отца Григорія въ Вианскую семинарію, оттуда и уволили совершенно отъ духовно училищной службы, съ возведеніемъ въ свое имя въ санъ игумена и архимандрита и съ опредѣленіемъ на должность одного изъ Московскихъ монастырей, гдѣ онъ не такъ давно и умеръ. Въ послѣдніе годы о. Григорій печаталъ въ Душеполезномъ Чтеніи резолюціи своего великаго благодѣтеля Высочайшеосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Филарета. — И эта работа была покойному о. архимандриту и по душѣ и по плечу, уже безъ всякаго сомнѣнія. О преподаваніи его въ семинаріи я, какъ не его ученикъ, говорить ничего не могу, а какъ инспекторъ, напуганный пригомъ дерзкимъ на него покушеніемъ, онъ уже не имѣлъ въ Вологдѣ никакого значенія. Не буду говорить я о методахъ и качествахъ всѣхъ тѣхъ преподавателей семинаріи, у которыхъ не учился. Всѣ они трудились

честно и преподавали, — каждый свою науку, — какъ умѣли и какъ могли, по тогдашнему времени, при полномъ отсутствіи учебныхъ руководствъ и пособій. Желаящіе учиться, могли учиться и у нихъ и оказывали приличные успѣхи во всѣхъ наукахъ. Не обширны были наши познаніи, плохо знали мы математику, мало смыслили въ наукахъ естественныхъ, не сильны въ литературѣ, но мыслить мы могли и писать умѣли, не будучи краснобаями. Одного очень жаль, что не учили насъ проповѣди живымъ словомъ, а мучили на гомилетикѣ рукописной. Выйдя во священники, годовъ 10 я мучился со своими проповѣдями, составлявшимися по правиламъ гомилетики. Въ семинаріи поставили бы мнѣ за иную проповѣдь несомнѣнно 5, а сказавъ ее въ церкви моимъ прихожанкамъ и прихожанамъ въ деревнѣ, я видѣлъ, что онѣ ставятъ только 2 или 1. — Какъ такъ? Да такъ. — Вѣдь я вижу, что онѣ, слушая мою проповѣдь, только глазами хлопаютъ, а потомъ, слышу, и говорятъ: — „батюшка-то бѣдный ужъ учить васъ, учить этими проповѣдями, хорошо такъ, и сладко говорить, да мы вотъ, — поди — ты, — темные люди, ничего не понимаемъ“. . Вотъ такъ проповѣдникъ, думаю себѣ, хорошо такъ говоритъ, да люди не понимаютъ!.. И заставили меня нужда и жизнь переучиваться. Но въ такихъ недочетахъ настырскаго преподаванія и преподаванія вообще виновато время и общее состояніе умовъ, за малыми исключеніями, предшествующихъ поколѣній, а не семинарскіе только преподаватели. Они и сами такъ писали, и такъ говорили, потому что такъ учены были. Спустя 50 лѣтъ легко сбвннять людей далекаго прошлаго въ тѣхъ, или другеихъ недочетахъ съ современной точки зрѣнія, но справедливо-ли? Я близко зналъ весь составъ семинарскихъ преподавателей своего времени, зналъ, какіе это вообще были хорошіе люди, готовые дѣлать и дѣлавшіе для своихъ учениковъ все, что могли, по духу времени, почему и признаю ихъ труды почетными и ни отъ кого и никакихъ огульныхъ упрековъ не заслуживающими. Вѣчная имъ память и поклонъ до сырой земли!

Въ бытность ректоромъ Вологодской духовной семинаріи, во время моего въ ней обученія, было здѣсь два важныхъ событія, изъ нихъ одно особенно замѣчательное. Это посѣщеніе города Вологды въ іюнь 1858 года Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. А другое событіе хотя и важное, но частное, относящееся

только къ семинаріи. Это ея ревизія, которую производилъ о. ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Сергій Ляпидевскій, впоследствии Митрополитъ Московскій. Не помню, въ которомъ году была эта ревизія, но знаю, что она была приурочена къ іюльскимъ экзаменамъ. Не знаю также, какъ обревизована была хозяйственная и воспитательная часть по семинаріи, но учебная просто. О. ревизоръ производилъ все экзамены самъ, въ присутствіи членовъ правленія и при участіи того изъ преподавателей, по предмету котораго шель экзамень; экзаменовали по билетамъ, вызывая по три ученика, и спрашивали не по всеѣмъ, а только по двумъ или тремъ предметамъ. Учителя и ученики, разумѣется, подтянулись и содѣйствовали одинъ другимъ во всеѣ, сколько было возможно. Экзамены такимъ образомъ прошли благополучно. Успѣхи учениковъ найдены были удовлетворительными и г.г. наставники, повидимому, были признаны способными и благонадежными. Ни по воспитательной, ни по экономической части, послѣ ревизіи, никакихъ перемѣнъ не послѣдовало. Значить и эти стороны семинарской жизни найдены удовлетворительными. Послѣ іюльскихъ экзаменовъ въ наше время всегда бывали еще такъ называемые „публичные экзамены“; произведены они были и при о. ревизорѣ. По каждому предмету избирались наставниками 1 или 2 ученика изъ числа, лучшихъ, и въ то же время избирались особенно интересные отдѣлы по каждому предмету, которые и должны были избранники изучить тщательно. За тѣмъ вслѣдъ за окончаніемъ обычныхъ экзаменовъ, назначался и публичный экзамень, на который приглашались, кромѣ архіерея и губернатора, все любители просвѣщенія, изъ лицъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ. Интересно то, что приглашеннымъ на публичный экзамень лицамъ предоставлялось право ставить испытующимъ воспитанникамъ всякія возраженія. Предсѣдательствовалъ епископъ. И вотъ когда, по примѣру предсѣдателя, стануть раздаваться и со стороны посѣтителей дѣльныя возраженія, тогда для умныхъ учениковъ и высоко, въ курсѣ своей науки, стоящихъ преподавателей представлялся случай блеснуть умомъ, или познаніями. Какъ, бывало, виѣстѣ съ профессоромъ предусматриваешь всевозможныя возраженія и не предусмотришь. Въ наше время интереснымъ считался психологическій вопросъ объ органахъ душевной жизни въ человѣкѣ (о сѣдалищѣ души). Этотъ отдѣлъ и приготовили мы по психологіи къ публичному экзамену, прослушавъ тщательно рав-

боръ различныхъ теорій со стороны профессора; приготовились и успокоились. Наступилъ экзаменъ. Публики много. Преподаватели всѣ. Отвѣты учениковъ конечно ясны, точны и удовлетворительны. Такъ дошло дѣло и до психологіи. Спрошенъ былъ, кажется, Я. А. Соколовъ. Онъ взялъ билетъ, объявилъ содержаніе и сталъ спокойно и основательно излагать взгляды и рѣшенія науки. Протогенъ Вонифатьевичъ (это былъ его предметъ) ставилъ вопросы и одобряетъ рѣшенія ихъ со стороны отвѣчающаго воспитанника. И когда утверждено было положеніе, что мозговая система, точнѣе, головной мозгъ есть органъ душевной дѣятельности, слѣдовательно и жизни души въ человѣкѣ, Пресвященный Христофоръ, — онъ же и предсѣдатель, — раскрываетъ Библию и читаетъ какой-то стихъ изъ книгъ Моисея, откуда видно, что кровь даетъ жизнь человѣку, или что-то въ этомъ родѣ. — „А если такъ“, говоритъ затѣмъ Пресвященный, „причемъ же останется ваша наука, съ мозгомъ? — Въ самомъ дѣлѣ выпустите кровь изъ человѣка и онъ умретъ, — душа значитъ живетъ въ крови, а не въ мозгу“, заключилъ Владыка. Какъ ни хотѣлось намъ, чтобы нашъ профессоръ повелъ рѣчь съ Пресвященнымъ на эту тему, но онъ только улыбнулся и.. ни слова больше. Тутъ, кажется, со стороны Пресвященнаго была допущена нѣкоторая передержка. По психологіи рѣчь шла объ органахъ душевной дѣятельности въ человѣкѣ, а Владыка заговорилъ о жизненномъ началѣ организмъ и утѣшался опроверженіемъ научной теоріи. По этой причинѣ, думаю, и не нашель удобнымъ настоять на научномъ рѣшеніи вопроса передъ предсѣдательствующимъ начальникомъ нашъ уважаемый профессоръ, хотя мнѣ и не удалось переговорить съ нимъ потомъ по этому вопросу. Читались на этихъ экзаменахъ и лучшія сочиненія лучшихъ воспитанниковъ по тому, или другому предмету. У меня сохранилось сочиненіе Ивана Александровича Кратирова *) на тему: „*Zavistію діаволою грѣхъ вниде въ міръ*“, читанное имъ, при окончаніи семинарскаго образованія, на публичномъ экзаменѣ въ 1860 году и подаренное мнѣ на память. Вспоминали наши почтенные преподаватели времени святительствованія въ Вологдѣ знаменитаго Епископа Иннокентія Борисова и публичны

*) Ив. Ал—чъ Кратировъ, по окончаніи курса въ Московской духовн. академіи въ 1864 г. со степенью магистра, впоследствии былъ ректоромъ Харьковской семинаріи и редакторомъ журнала „Вѣра и разумъ“, ректоромъ Петербургской академіи, Епископомъ Саратовскимъ и умеръ на покой въ Москвѣ.

экзамены при немъ въ семинаріи. Это были самыя оживленныя дебаты, въ которыхъ спрошенный ученикъ давалъ только тему для нихъ. А Владыка ставилъ вопросы, которые не всегда по плечу приходились и учителямъ. И тогда онъ начиналъ самъ, освѣщая вопросъ со всѣхъ сторонъ, рѣшать ихъ замѣчательно обоснованно, мѣтко, порою и остроумно. А рѣчь такъ и лилась изъ устъ его неудержимымъ потокомъ и несокрушимую эрудиціей. Въ наше время не много раздавалось возраженій со стороны предсѣдателя и публики, но все же онъ были, хотя и легонькія, и эти экзамены проходили оживленно, и намъ нравились. Но вотъ они кончились. Закончилась ревизія и учебный годъ, вмѣстѣ съ нею. Ученики разъѣхались по домамъ. Уѣхали на каникулы и двое изъ писмоводителей, а я, въ числѣ троихъ, оставленъ былъ въ Вологдѣ, для занятій въ канцеляріи по текущимъ дѣламъ. Наши семинарскіе ветераны, вслѣдствіе ли ревизіи, или уже по своему усмотрѣнію, стали мало по малу оставлять семинарскую службу. Такъ ушли изъ семинаріи въ слѣдующемъ учебномъ году о. инспекторъ архим. Діонисій, учителя Александръ Владиміровичъ Вячеславовъ (по прозванію баринъ), Екатеринбургскій священникъ Фавстъ Александровичъ Ржаницынъ, Иванъ Александровичъ Святковъ, а въ слѣдъ за ними переведенъ былъ куда-то и о. ректоръ архим. Ювеналій, уѣхавшій изъ Вологды въ 1860 году какъ-то такъ тихо и скромно, что въ моей памяти ничего не сохранилось такого, относительно проводовъ его, что заслуживало бы вниманія. Въ послѣднее время, т. е. въ 1859 и 1860 годахъ онъ сталъ какъ-то замѣтно нравственно измѣняться, становясь все болѣе и болѣе апатичнымъ и равнодушнымъ. Удивляло насъ и то, что онъ, когда-то строгій монахъ, ревнитель церковныхъ порядковъ, устава и дисциплины, въ послѣднее время читалъ, лѣтней порою, въ праздничные и воскресные дни, при хорошей погодѣ передлургійное правило не дома, не у себя въ кабинетѣ, а гуляя въ саду по аллеямъ. Ходить, читать и крестится, какъ видѣли его тогда мы изъ оконъ канцеляріи. На какой-то почвѣ, незнаю, у него возникли недоразумѣнія даже съ Преосвященнымъ Христофоромъ, относившимся раньше къ нему всегда хорошо. И эти недоразумѣнія, повидимому, были такъ серьезны, что Преосвященный Христофоръ осенью 1860 года рѣшился произвести лично внезапную ревизію семинаріи, при чемъ и я чуть не нарвался на бѣду. Это было вечеромъ 26 сентября 1860 года, въ день се-

минарскаго праздника. Засидѣвшись на квартирѣ у товарищей, и пришелъ въ канцелярію, когда мои товарищи уже поужинали. Пошелъ я темнымъ и тѣснымъ корридоромъ стараго корпуса изъ канцеляріи на кухню ужинать одинъ. Смотрю, на встрѣчу идетъ какой-то монахъ, съ маленькимъ фонарикомъ. Вообразивъ, что это нашъ экономъ, я еще издали закричалъ ему: „ну что это вы!—Далеко-ли! А въ шубѣ и съ фонаремъ!.. Удивительно!..“. А Сашка, келейникъ архіерея, высунулъ голову изъ за плеча архіерея и грозитъ мнѣ кулакомъ. Замѣтивъ, что въ очень тѣсномъ корридорѣ, съ дикимъ и громкимъ крикомъ, иду прямо навстрѣчу архіерею, я ужаснулся. Что было дѣлать?.. Быстро обернувшись, я помчался назадъ, но не въ канцелярію, а въ залу, оттуда въ бурсу, изъ нея на дворъ, а со двора по среднему подъѣзду поднялся въ свой корридоръ и, незамѣтно войдя въ канцелярію, сталъ писать, какъ ни въ чемъ не бывало, какую-то бумагу. Преосвященный сидѣлъ уже въ присутственной комнатѣ правленія и отдавалъ распоряженія о томъ, чтобы немедленно вызвать всѣхъ членовъ правленія и отыскать попавшаго ему на встрѣчу въ корридорѣ „крикуна—юношу“. Изъ членовъ явился только одинъ инспекторъ іеромонахъ Григорій, да секретарь правленія. Павла Михайловича не оказалось дома. А объ о. ректорѣ сказали, что уѣхалъ въ Прилуцкій монастырь за 5 верстъ отъ Вологды и въ семинарію сегодня не будетъ. Такъ и не состоялась ревизія, и юноша—крикунъ не былъ найденъ о. инспекторомъ. Трудно понять, на чемъ подловить въ данномъ случаѣ хотѣлъ Преосвященный о. ректора. Деньги хранились въ казначействѣ, отсюда ящика вечеромъ достать было нельзя, а приходорасходныя книги, всегда впрочемъ исправныя, безъ провѣрки суммъ, что могли дать ревизору? Можетъ быть онъ хотѣлъ лично провѣрить поведеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ вечеромъ праздничнаго дня? Тогда почему не пойти бы ему по комнатамъ ихъ съ о. инспекторомъ и его помощникомъ Флавіемъ Васильевичемъ Скабовскимъ? Но онъ этого не сдѣлалъ и уѣхалъ домой, принятый семинаріей, какъ гость хотя и дорогой, но не жданный, не гаданный, холодно и непривѣтливо. Сколько было извѣстно, о. ректоръ не ѣздилъ къ Преосвященному и извиняться. Говорили даже злые языки, что о. ректоръ былъ въ семинаріи и велѣлъ только сказать, что уѣхалъ въ Прилуки. И уроками по догматикѣ осенью 1860 г. о. ректоръ Ювеналій почти не занимался, поручивъ свой пред-

меть Павлу Михайловичу Добрякову, и за холодъ семинарской жизни пересталь слѣдить. Для насъ все это было непонятно, но самъ онъ вѣроятно уже былъ извѣщенъ, что его переимѣненіе, а можетъ быть и увольненіе отъ духовно-учебной службы— дѣло уже рѣшенное.

Изъ Устюга.

1910 года 30 января въ Устюжскомъ Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ было скромное торжество. По случаю престольнаго праздника трехъ Вселенскихъ Святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и исполнившася 10-лѣтія въ сей день возведенія въ санъ игуменіи настоятельницы монастыря монахини Паисіи, Вожественную Литургію совершалъ Преосвященнѣйшій Алексій, Епископъ Великоустюжскій, въ сослуженіи мѣстнаго причта. Послѣ литургіи и праздничнаго молебна, въ келліяхъ настоятельницы была поднесена сестрами монастыря глубокочтимой своей игуменіи Паисіи, св. икона Боголюбской Божіей Матери, при чемъ монахиней Антониною былъ прочтенъ отъ лица всѣхъ сестеръ слѣдующій адресъ: „Дорогая матушка Игуменія! Сегодня исполнилось ровно десять лѣтъ, какъ вы получили санъ Игуменіи и настоятельницы нашей святой обители. Съ помощію свыше, вы благопопечительно и мудро управляете обителью, являя собою примѣръ иноческаго житія: кротости и воздержанія, терпѣнія, любви и смиренія. Въ чувствѣ глубокаго уваженія и неизмѣнной преданности, мы, смиренныя инокини, приносимъ вамъ сердечное поздравленіе съ симъ знаменательнымъ днемъ въ вашей жизни и въ знакъ нашей благодарной любви къ вамъ просимъ принять сей св. образъ Царицы Небесной, именуемый „Боголюбскимъ“ съ соименными вамъ святыми Преподобными Паисіемъ и Пелагіей*). Искреннее наше желаніе и молитва къ Богу:—предстательствомъ и молитвами Царицы небесной, преподобныхъ—Паисія и Пелагіи и Небеснаго покровителя и хранителя нашей обители—Крестителя Господня Іоанна да продлитъ Господь Богъ дорогую жизнь вашу, вмѣстѣ съ сотрудницей вашей матушкой казначеей, на благо св. обители, на радость и утѣшеніе всѣмъ сестрамъ, на многія, многія лѣта!“

*) Икона очень искусно сооружена сестрами обители на золотомъ чеканномъ фонѣ.

Затѣмъ привѣтствовалъ м. Игуменію Его Преосвященство рѣчью, въ кою выразилъ доброе пожеланіе и радость о томъ, что между сестрами и настоятельницаю существуетъ такая любовь христіанская, которая не должна оканчиваться здѣсь на землѣ, но должна простираться и за предѣлы жизни.

Во время предложенной всѣмъ присутствующимъ скромной трапезы, съ архипастырскаго благословенія, мѣстнымъ священникомъ А. Чижевымъ была сказана настоятельница здравница:

„Вселюбезнѣйшая и высокочтимая матушка Игуменія! Привѣтствую васъ съ симъ знаменательнымъ днемъ въ вашей жизни—десятилѣтія возведенія васъ въ санъ Игуменіи, соутрачуемаго вашимъ мудрымъ и многополезнымъ управленіемъ обители. Сестры ваши почтили васъ въ сей день поднесеніемъ образа Матери Божіей Поднося образъ Божіей Матери, именно „Боголюбскій“, думается мнѣ, онѣ желали тѣмъ, такъ сказать, указать или отгнать и ваше Боголюбіе. Это ваше Боголюбіе прежде всего выразилось въ томъ, что вы всѣ силы и труды и всю свою жизнь посвятили на служеніе Богу въ сей св. обители. Это Боголюбіе ваше съ очевидностію для всякаго проявилось въ начатомъ вами и успѣшно продолжающемся построеніи новаго храма въ обители, дабы не только сестры, но и всякій вѣрующій могъ возносить въ немъ свои молитвы и изливать свою душу предъ Господомъ *неутѣснительно*. Ваше Боголюбіе выразилось въ любви къ ближнему, по слову Апостола Іоанна Богослова: любяй Бога любить и брата своего (1 Іоан. 4. 21). Ваша любовь достигла сестеръ обители—построеніемъ для нихъ хорошихъ келлій, дабы онѣ могли совершать свое келейное правило *неопустительно*. Ваша любовь достигла и пребывающихъ въ трудѣ и послушаніи, построеніемъ для ихъ общихъ трудовъ удобныхъ помѣщеній (какъ-то: золотошвейной и ризной, живописной и позолотной, столярной и токарной, красильной, сапожной и хлѣбопекарной),—дабы онѣ усерднымъ трудомъ на пользу обители *содѣвали свое спасеніе*. Любовь ваша достигла и въ немощи и болѣзни сущихъ, построеніемъ для нихъ хорошей больницы, дабы, обрѣтая удобный покой болѣзнями отягченному тѣлу, онѣ стремились къ покою вѣчному на небесахъ. Ваша любовь достигла и престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду,—положеніемъ основанія для богадѣльни, дабы, не имѣя заботъ о насущномъ хлѣбѣ, онѣ имѣли попеченіе о хлѣбѣ небесномъ. Ваша любовь достигла и юныхъ отроковицъ, и непринлежащихъ

къ вашей дружинѣ, въ лицѣ ученицъ Епархіальнаго училища,*) доставленіемъ имъ уютнаго крова въ обители, дабы, преуспѣвая въ наукахъ, онѣ возрастали на утѣшеніе родителямъ, церкви и отечеству на пользу. Ваша любовь достигла и дѣтей-малолѣтокъ обездоленныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы, которыхъ не мало **) воспитывается въ обители, дабы преуспѣвая въ премудрости, онѣ приходили въ мѣру полнаго возраста Христова. Любовію вашею не обойдены и мы, служители алтара Господня въ обители: Вы строите въ жилище намъ домъ, дабы, отложивъ житейское попеченіе, съ великою ревностію заботились мы лишь о томъ, како подобаеть строити домъ Божій и како подобаеть ходити въ дому Господнемъ.

Въ дѣлѣ проявленія такой великой любви и благодаренія св. обители усердною помощницею вашею является матушка казначея-Аркадія, одновременно съ вами поставленная на сію должность и десять лѣтъ тому назадъ въ сегодняшній день пріятная иноческое постриженіе, которая въ полномъ единеніи съ вами, съ самоотверженіемъ, усердіемъ и ревностію раздѣляетъ труды ваши и съ точностію выполняетъ всѣ благія ваши начинанія.

Сестры обители, видя взаимное ваше единеніе въ дѣлахъ любви и благоустроенія обители, прониклись къ вамъ любовію, видимымъ знакомъ коей служитъ сегодняшнее ихъ подношеніе.

Мы же, священнослужители управляемой вами обители, не только въ чувствѣ долга, но и въ чувствѣ благодарности и радованія о вашей любви, будемъ продолжать свою искреннюю и усердную молитву ко Господу, да Онъ, Милосердный, пошлетъ св. обители вашей благодать Свою и милость, а вамъ матушка Игуменія кунно съ матушкой казначеи и всѣми сестрами даруетъ здравіе и благополучіе на многія, многія лѣта!

Стройно и дружно всѣми присутствовавшими было препѣто троекратно: „многая лѣта!“

Старѣйшій священнослужитель обители досточтимѣйшій о. протоіерей Александръ Аресаломовъ изложилъ привѣтствіе матушкѣ игуменіи Паисіи на сей день въ стихотворной формѣ. — Вотъ оно:

Подъ вашимъ матушка, правленьемъ
И неуспыннымъ попеченьемъ,

---

*) Ежегодно въ обители проживаетъ отъ 20 до 30 воспит. Епарх. училища.

**) Такихъ дѣтей въ настоящее время воспитывается 11 чел.

Проживши мирно десять лѣтъ,
Приносимъ искренній привѣтъ.

При мудромъ къ слабымъ снисхожденіи,
Ко всѣмъ сестрамъ расположеніи,
Гораздо легче намъ здѣсь жить,
Усердно Господу служить,

Съ вашего соизволенья,
Для благолѣпнаго служенья,
Въ монастырѣ хорошій хоръ
Составленъ изъ своихъ сестеръ.

Бываютъ въ жизни искушенья,
Различныя у сестръ лишенья,
Тогда твое участіе
Хранить ихъ отъ несчастія.

А что всего любезнѣе,
Гораздо всѣмъ полезнѣе,
То—благочестію и вѣрѣ
Ты учишь насъ своимъ примѣромъ.

Твоими мы заботами,
Полезными работами,
Свободно можемъ заниматься,
И мирно жизнью наслаждаться.

Всѣ роды рукодѣлія
Имѣютъ свои келліи,
При томъ не заурядныя,
А подлинно парадныя.

Возьмите живописную,
Просторную и чистую,
Не только-бъ рукодѣльною,
Могла быть и моленнойю.

Спуститесь въ златошвойную,
И въ комнаты келейныя;
Во всѣхъ ихъ сухо и тепло,
При томъ достаточно свѣтло.

Теперь пойдемъ въ красильныя,
Заводы хоть не сильныя,
Но что угодно выкрасятъ,
И много съ васъ не выпросятъ.

По этому крестьяночки,
А также горожаночки,

Охотно, безъ заботы,
Всегда даютъ работы.

Построенъ домъ и для столярни;
Дано мѣстечко чеботарнѣ;
Поставлена въ саду больница,
Гдѣ могутъ жить больныя лица.

Для жительства духовниковъ,
Монастыря священниковъ,
Ужъ продолжается постройка,
И домъ растетъ довольно бойко.

Но вотъ укажемъ, наконецъ,
Всѣхъ предпріятій на вѣнецъ,
Честной Игуменьи Паисіи,
Какъ члена главнаго комиссіи,

По постройкѣ храма Божія,
Она вѣдь ей умножила
Трудовъ, хлопотъ, заботъ, скорбей...
Дай, Боже, силу только ей

Съ терпѣньемъ все перенести,
Святое дѣло довести,
До совершеннаго конца,
Сподобь и райскаго вѣнца!

А нынѣ, за все это,
Поддай ей, — многа лѣта!

Священникъ *Алексій Чижев.*

Земледѣліе въ быту духовенства.

Однимъ изъ привычныхъ, любимыхъ и безгрѣшныхъ занятій нашего сельскаго, а отчасти и городского духовенства, служить земледѣліе. Какъ извѣстно, оно имѣетъ два вида: полеводство и огородничество. Городское духовенство, какъ болѣе обеспеченное, болѣе занятое посторонними, сродными пастырству, занятіями (напр. законоучительствомъ), а, главное, не имѣющее тѣсной нравственной связи съ своими пригородными прихожанами-крестьянами, если и имѣетъ церковно-причтовой полевой надѣлъ, то въ очень рѣдкихъ случаяхъ занимается на самостоятельныхъ началахъ полеводствомъ, т. е. траво-и хлѣбосѣяніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ городскіе священнослужители свою надѣльную часть отдаютъ больше всего въ обработку крестьянамъ „изъ-полу“, т. е. принимаютъ участіе только въ наблюденіи надъ

предварительными работами предъ посѣвомъ и въ дѣлѣ полученаго зерна пополамъ. Впрочемъ, чаще можно замѣтить, что городское духовенство склонно заниматься не только полеводствомъ, которое связано съ большими хлопотами и заботами и требуетъ практическаго навыка, сколько разведеніемъ садовъ и огородовъ на собственныхъ или церковныхъ усадьбахъ, что уже не есть въ собственномъ смыслѣ земледѣліе и требуетъ иныхъ знаній и иного опыта, чѣмъ земледѣліе полевое.

Земледѣліе въ смыслѣ полеводства есть обычное занятіе преимущественно сельскаго духовенства. Здѣсь оно играетъ роль, какъ важное подспорье къ матеріальному обезпеченію, получаему отъ прихода во 1-хъ, и во 2-хъ, какъ средство нравственнаго и культурнаго воздѣйствія на сельскую паству, въ смыслѣ сближенія съ нею на почвѣ общихъ жизненныхъ интересовъ.

При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: на сколько же совмѣстимо съ званіемъ пастыря и его духовнымъ служеніемъ паствѣ это частное занятіе такимъ узко-житейскимъ дѣломъ, какъ земледѣліе вообще, не умаляетъ-ли оно его духовнаго авторитета, какъ говорятъ люди завидующіе со стороны духовенству, и при какихъ условіяхъ занятіе земледѣліемъ пастыря можетъ быть нравственно-культурнымъ дѣломъ для самаго пастыря и для его паствы?

Нынѣ въ печати не рѣдкость слышать обвиненіе нашего духовенства въ томъ, что оно, имѣя землю, не само обрабатываетъ ее, какъ бы слѣдовало, а отдаетъ ее, говорятъ, тѣмъ же сельчанамъ за высокую плату и слѣдовательно является для послѣднихъ въ родѣ тѣхъ же эксплуататоровъ скупищиковъ земли, которые искусственно повышаютъ цѣну за аренду и съ которыми-де государство принуждено бороться издашіемъ ограничительныхъ законовъ въ пользу крестьянъ. Такимъ образомъ вопросъ о земледѣліи нашего духовенства ставится уже самимъ временемъ въ иной обстановкѣ, а именно: имѣетъ-ли духовенство нравственное право продавать свою землю въ арендный срокъ, если почему-либо не можетъ обрабатывать ее своими руками; а если оно увеличиваетъ цѣнность получаемую съ нея своими трудами, то правы-ли нападки завистниковъ духовенства, мечтающихъ сдѣлать отчужденіе церковной земли въ пользу сельчанъ, которые-де фактически являются хозяевами ея, хотя всѣ выгоды отъ нея достаются на долю духовенства, какъ арендодателя?

Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что при первоначальномъ надбѣде-

вія церквей опредѣленными участками земли имѣлось въ виду достигнуть двухъ цѣлей: во 1-хъ повысить ея матеріальное довольствіе отъ прихода, не всегда достаточное для содержанія духовенства, а во 2-хъ, и это главное, — сдѣлать наше земледѣльческое духовенство своего рода нравственно-культурнымъ разсадникомъ сельско-хозяйственныхъ знаній для деревни, для которой недоступны еще „показательныя“ и опытные поля по послѣднему слову агрономической науки, недоступны и сельско-хозяйственные выставки, устроаемыя по почину правительства или земства. Что духовенство и безъ предписаній поняло вѣрно свою культурную историческую миссію для деревни и по мѣрѣ силъ выполнило и продолжаетъ выполнять ее, видно изъ того факта, что въ большинствѣ своемъ оно завивается полеводствомъ и не только на своихъ участкахъ, но и на арендованныхъ и, слѣдовательно, принуждено ставить земледѣльческое дѣло образцово, безубыточно и по послѣднему слову сельско-хозяйственной практики. Что нѣкоторая незначительная часть духовенства принуждена бываетъ волею или неволею сдавать свою землю сельчанамъ на правахъ аренды, напр. въ случаѣ отсутствія или дороговизны рабочихъ рукъ, острой нужды въ деньгахъ и проч., — это еще не кладъ тѣ пятна на все духовенство, будто бы эсплоатирующаго малоземельность крестьянъ; ибо здѣсь бываетъ сдѣлка по совѣсти, получается только часть аренды, а окончательный расчетъ часто переносится къ концу лѣта, когда выяснится урожай, а если послѣдняго не бываетъ, то крестьяне арендаторы просятъ сбавить часть арендной платы и проч.

Кто имѣлъ возможность близко присматриваться къ сельскому быту, тотъ не могъ не замѣтить того постоянного явленія, что крестьяне, какъ бы ня высоко они думали о своихъ земледѣльческихъ знаніяхъ, все-таки зорко присматриваются къ тѣмъ „новшествамъ“ въ земледѣліи, которыя видятъ на полѣ у своего духовенства и если видятъ добрые плоды этихъ новшествъ, то не задумываясь начинаютъ примѣнять ихъ на своихъ поляхъ. Такъ постепенно введены въ сельско-хозяйственномъ быту молотилки, сѣялки, одноконные плужки, оборотное травосѣяніе, культура масличныхъ сѣмянъ и пр. Духовенство со своими небольшими полевыми надѣлами, почти равными надѣлу каждаго крестьянина (напр. въ долѣ псаломщика), дѣйствительно является въ деревнѣ какъ образецъ лучшаго, выгоднаго хозяйничанія при равныхъ условіяхъ со всѣми сельчанами. Въ этомъ

случаѣ крестьяне далеки отъ подражанія въ сел.-хозяйственной культурѣ помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ часто работаютъ; ибо условія земледѣлія тутъ несравненно лучшія, при обиліи земли и денежныхъ средствахъ, благодаря чему и результаты земледѣлія несравненно большія. Отсюда, земледѣльческое занятіе духовенства не есть только своего рода вольный „промыселъ“ ради мнимыхъ матеріальныхъ выгодъ, ибо онъ часто даетъ и минусы въ занятіи имъ, а есть *своего рода нравственно-культурное служеніе духовенства* деревнѣ, почти безпомощной въ этомъ случаѣ со стороны; а если такъ, то оно идейно само по себѣ заслуживаетъ одобренія и поощренія, а главное, нравственные результаты его явственны на духовенствѣ столько-же, сколько и на сельчанахъ, ради которыхъ оно и совершается. Что общій житейскій трудъ нравственно сближаетъ людей разнаго общественнаго положенія если происходитъ при одинаковыхъ почти условіяхъ, — это безспорная истина. Тяжелый трудъ надъ кормилицею землею, заботы о благопріятныхъ условіяхъ урожая, общія надежды и бѣды, общія молитвы, прошенія и благодаренія о землѣ, — все это нравственные точки соприкосновенія пастыря и паствы, души которыхъ въ эти моменты однородны по настроенію до тождественности и безразличія, такъ сказать, до нравственнаго взаимно-погруженія. Можетъ ли быть назидательно для земледѣльца-крестьянина, на оборотъ, такое явленіе, что онъ, отправляясь на страду въ свое родное поле, или на арендованное поле того же пастыря, встрѣчаетъ послѣдняго у его дома съ книгою или газетою въ рукахъ, каковое занятіе, какъ бы ни было важно и серьезно самъ по себѣ, въ глазахъ крестьянина-особенно въ страдную пору полевыхъ трудовъ, представляется часто бездѣльнымъ, во всякомъ случаѣ не имѣющимъ практически полезнаго значенія въ деревнѣ. Замѣчательно, что сами крестьяне болѣе высоко уважаютъ тѣхъ изъ членовъ своего духовенства, которые не чуждаются ихъ тяжелыхъ трудовъ по земледѣлію, хотя-бы и наемными руками; они не видятъ въ нихъ промышленниковъ изъ-за низкой корысти, но радуются и хвалятся предъ сосѣями ихъ успѣхами въ выгодахъ земледѣлія, какъ своими собственными. Наоборотъ, тѣ отцы духовные, которые изъ-за робости ли предъ матеріальнымъ рискомъ, или отъ неумѣнья и непривычки къ земледѣлію, или отъ ложнаго стыда спуститься до своего прихожанина въ его „черномъ“ занятіи, избѣгаютъ земледѣлія, какъ будто бы несомнѣнимаго дѣла съ пастырствомъ,

правственно далеко стоять отъ своихъ прихожанъ, какъ своего рода бѣлоручки и, пожалуй, „баре“ въ духовной одеждѣ. Приходилось наблюдать, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ сельчане церковное поученіе, какъ нибудь касающееся ихъ нелегкаго труда-земледѣлія; тутъ они буквально ловятъ каждое слово, потомъ цитуютъ его на дому, или спрашиваютъ разъясненія мало понятаго. Но если подобное поученіе произносить гастыръ не земледѣлецъ, то какая злая иронія въ устахъ его хвалить трудъ земледѣльца, который чуждъ ему самому, и не окажется ли такое самое краснорѣчивое слово „мѣдью звенящею“ для крестьянина и самообличеніемъ для самого проповѣдника? Несомнѣнно, кажется, что земледѣліе нашего духовенства съ нравственно-культурной стороны есть то же пастырство и душепопеченіе, являемое не словомъ только, но самымъ дѣломъ. Тѣмъ-же, кто со стороны считаетъ стыдомъ для нашего духовенства заниматься практически-необходимымъ дѣломъ въ селѣ, каково земледѣліе, можно привести древнее изреченіе мудреца практика: „есть стыдъ, ведущій ко грѣху, и есть стыдъ-слава и благодать... не всякую стыдливость хорошо соблюдать, и не все всѣми одобряется по истинѣ! (Сир. IV, 25, XLII, 20).

Священникъ А. Савѣтовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Товарищество Н. Л. ШУСТОВЪ съ С-ми извѣщаетъ:

что складъ въ г. Вологдѣ, нашего натурального Церковнаго вина, извѣстнаго своимъ высокимъ качествомъ, и представительство на продажу только въ Виноторговлѣ Т-го Д-ма И. А. Первушина С-вей прот. Александр. сада, въ домъ Свѣшникава

Прейсъ-Курантъ.

№ 51	за $\frac{1}{4}$	ведра	2	р.	50	к.
„ 54	„	—	3	„	—	„
„ 55	„	—	3	„	50	„
„ 56	„	—	4	„	—	„
„ 57	„	—	5	„	—	„

Покупающимъ ящиками или не менѣ ведра скидка.

Требовать разливъ фирмы въ $\frac{1}{4}$ бутыляхъ, за которыя взимается по 25 к. за штуку и принимается обратно по той же цѣнѣ, упаковка, кромѣ войлоковъ въ зимнее время, бесплатно.

